

УДК 811.512.142

DOI 10.25587/SVFU.2023.54.72.001

М. А. Ахматова, М. Б. Кетенчиев

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С ОДНОРОДНЫМИ ЧЛЕНАМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ НАРТСКОМ ЭПОСЕ

Аннотация. В статье предлагаются результаты лингвистического анализа осложненных предложений, специфичных для героического эпоса карачаевцев и балкарцев. Цель статьи – выявление и описание функционально-семантических и структурных особенностей конструкций с однородными членами предложения, наличествующих в текстах карачаево-балкарского нартского эпоса. Актуальность исследования детерминирована тем, что исследование синтаксических характеристик эпических текстов сопряжено с природой собственно языка устного народного творчества, которому традиционно отводится особая роль в становлении национального языка, вследствие чего изучение его языка представляется релевантной для лингвистической науки, фольклористики и лингвопоэтики. Новизна проведенного исследования заключается в том, что в нем впервые описаны значимые для текстов героических сказаний синтаксические конструкции с однородными подлежащими, сказуемыми, дополнениями, обстоятельствами и определениями. Для анализа путем сплошной выборки отобраны синтаксические конструкции с однородными конститuentами, собранные из опубликованных текстов карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты». В ходе исследования проводится структурно-семантический и функциональный анализ наиболее типичных для героического эпоса синтаксических единиц, содержащих в своем составе различного рода однородные члены предложения. Установлено, что в прозаических и поэтических текстах нартского эпоса встречаются практически все разновидности однородных членов предложения, как главные, так и второстепенные, которые употребительны не только в составе осложненных, но и в разных частях сложных конструкций, отличаясь при этом в лексическом и грамматическом отношении. Показано, что такого рода компоненты синтаксических построений репрезентируются словами и их формами различного частеречного происхождения, дескрипциями, представляющими собой как простые сочетания слов, так и обороты, ядерными конститuentами которых являются неличные формы глагола. Представленное исследование имеет перспективу для дальнейшего изучения эпических конструкций в плане установления путей развития и становления осложненных, а также сложных синтаксических структур карачаево-балкарского и других родственных языков, выявления их роли в языковой экспликации национальной картины мира.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык; нартский эпос; синтаксис; предложение; однородные члены; подлежащее; сказуемое; дополнение; обстоятельство; определение; структура; функция.

АХМАТОВА Мариям Ахматовна – доктор филологических наук, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова, Нальчик, Россия. ORCID: 0000-0002-0507-395X.

E-mail: mari.ahmatova@yandex.ru

AKHMATOVA Mariam Akhmatovna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Karachay-Balkar Philology, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik, Russia. ORCID: 0000-0002-0507-395X.

E-mail: mari.ahmatova@yandex.ru

КЕТЕНЧИЕВ Мусса Бахмутдинович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой карачаево-балкарской филологии Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова, Нальчик, Россия. ORCID: 0000-0002-1656-8368.

E-mail: ketenchiev@mail.ru

KETENCHIEV Mussa Bakhautdinovich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Karachay-Balkar Philology, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik, Russia. ORCID: 0000-0002-1656-8368.

E-mail: ketenchiev@mail.ru

М. А. Akhmatova, M. B. Ketenchiev
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov

Syntactic constructions with homogeneous sentence terms in the Karachay-Balkar Nart epic

Abstract. The article proposes the results of linguistic analysis of complicated sentences specific to the heroic epic of Karachays and Balkars. The purpose of the article is to identify and describe the functional-semantic and structural features of structures with homogeneous members, sentences, which are in the texts of the Karachay-Balkar Nart epic. The relevance of the study is determined by the fact that the study of the syntactic characteristics of epic texts is associated with the nature of the very language of oral folk art, which traditionally plays a special role in the formation of the national language, as a result of which the study of its language seems to be relevant for linguistic science, folklorism and linguistics. The novelty of the study lies in the fact that it first describes the syntactic constructions that are significant for the texts of heroic legends with homogeneous, predicates, additions, circumstances and definitions. For analysis, by continuous sample, syntactic constructions with homogeneous constitutions are selected from the published texts of the Karachay-Balkar heroic epic *Narts*. In the course of the study, a structural-semantic and functional analysis of the most typical syntactic units for the heroic epic containing various kinds of homogeneous members of the sentence is carried out. It was established that in the prose and poetic texts of the Nart epic there are almost all varieties of homogeneous members of the sentence, both main and secondary, which are used not only in complicated, but also in different parts of complex constructions, while distinguishing in a lexical and grammatically. It is shown that such components of syntactic constructions are represented by the words and their forms of various frequency origin, by descriptions, which are both simple combinations of words and turnover, whose nuclear constituents are non-personal forms of the verb. The presented study has a prospect for further studying epic constructions in terms of establishing ways of development and formation of complicated, as well as complex syntactic structures of Karachay-Balkaria and other related languages, identifying their role in the language explication of the national picture of the world.

Keywords: Karachay-Balkar language; Nart epic; syntax; sentence; homogeneous terms; subject; predicate; complement; circumstance; definition; structure; function.

Введение

Карачаево-балкарский нартский эпос традиционно привлекает внимание фольклористов. Данный жанр устного народного творчества изучил А. З. Холаев, который в специальном монографическом исследовании впервые представил комплексную характеристику эпических сказаний [1]. М. Ч. Джуртубаев же скрупулезно рассмотрел структуру эпоса, его художественно-предметный мир, сопряженность с мифологией в целом [2]. Специальную научно-теоретическую работу эпосу посвятил и Х. Х. Малкондуев [3]. В ней он осветил теоретические аспекты, релевантные для карачаево-балкарского нартского эпоса, отметил его историзм и самобытность. Значимый вклад в изучение эпического текста внесла и Т. М. Хаджиева, которая дала не только общую характеристику нартским песням и сказаниям [4], но и провела их контрастивное исследование [5].

В последние годы языковедами освещаются и лингвистические особенности нартского эпоса. Так, например, Л. С. Гергокова впервые обращается к проблемам его языка и стиля [6]. Имеются попытки лингвистической интерпретации этнографической лексики, функционирующей в эпических текстах [7]. В некоторых работах анализу подвергаются такие феномены, как прямая речь [8] и повторы [9], которые ориентированы на выявление и описание некоторых особенностей поэтики карачаево-балкарского нартского эпоса. Современная парадигма лингвистики нацелила исследователей и на лингвокультурологические его составляющие, в результате чего появился ряд статей, посвященных таким значимым эпическим концептам, как «путь» [10], «вода» [11], «земля» [12] и др.

Тем не менее многие вопросы, связанные с языком эпоса, все еще остаются без должного внимания. В этом отношении следует отметить и его синтаксические характеристики, в т. ч. и функционально-семантический потенциал осложненных конструкций, в частности, предложений с однородными членами. Как отмечается в специальной лингвистической литературе, «основными областями синтаксиса языка фольклора могут считаться синтаксическая семантика, поэтический синтаксис и синтаксис текста. Исследования в этом направлении способствовали бы раскрытию роли простого и сложного предложений, параллельных компонентов в синтаксической структуре фольклора, выявлению их информативной нагрузки в процессе речи» [13, с. 45]. Это имеет непосредственное отношение и к синтаксису текстов, представленных в академическом издании «Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев» [14].

Для текстов нартского эпоса характерно чередование двух форм изложения – прозаической и поэтической, которые следует понимать «как два находящиеся во взаимосвязи и дополняющих друг друга различных синтаксических кода. Находясь на протяжении всего текста в оппозиции друг к другу, они обуславливают глобальную бинарность синтаксической структуры текста. Чередование этих кодов, особенности и синтактико-семантические основы перехода от одного к другому, природа передаваемой посредством их информации обеспечивают общую напряженность эпической структуры, динамичность поэтического синтаксиса» [15, с. 19].

В семиотическом плане подобное чередование способствует устойчивости поэтической структуры эпоса, поднимает его над другими жанрами фольклора, то есть эпос превращается в универсальную модель языка фольклора. С другой стороны, «синтаксические единицы языка как двусторонние лингвистические знаки, имеющие форму и значение, входят в поэтической речи в такие связи и отношения, которые обусловлены чрезвычайно сложной структурой поэтического сообщения, усиливающей способность языкового знака к семантическим изменениям и преобразованиям» [16, с. 4].

Интерес к исследованию поэтического синтаксиса на материале устного народного творчества связан с природой собственно языка фольклора, которому принадлежит особая роль в истории развития национального языка. Следовательно, изучение его языка является значимой проблемой, которая стоит перед языкознанием, фольклористикой и лингвистической поэтикой.

Общая характеристика синтаксических конструкций с однородными конститuentами в эпосе «Нарты»

Дефиниции однородных членов предложения в работах, посвященных тюркскому синтаксису, в целом коррелируют друг с другом. Так, по мнению карачаево-балкарского синтаксиста И. Х. Ахматова, однородными являются «члены предложения, которые либо одинаково определяют один из членов предложения, либо определяются им, выполняя одну и ту же семантико-синтаксическую функцию» [17, с. 77]. Исследуя однородные члены предложения в татарском языке, М. З. Закиев интерпретирует их как ряд «словоформ, синтаксически не подчиненных друг другу и связанных между собой интонацией и союзом или только интонацией» [18, с. 223]. В якутском же языке «они или все имеют одинаковую форму (согласуются друг с другом), или объединяются в различные словосочетания: сочетание, оформленное с помощью аффикса *-лаах*, числительным *икки* ‘два’, аффиксом совместного падежа *-лыын*, деепричастием *буолан*» [19, с. 61].

Рассматриваемые члены предложения в текстах карачаево-балкарского нартского эпоса представлены в структуре как осложненных, так и сложных синтаксических конструкций, о чем свидетельствуют примеры типа: *Къарашауай атасына бек ыразы болду, къууанды* [14, с. 201] ‘Карашауай отцом очень был доволен, обрадовался’¹; *Ол дорбундады сени атангы солтанжиясы, садагы, саууту-сабасы, аты да андады* [14, с. 252] ‘В этой пещере твоего отца самострел, лук, оружие, и конь его там’. Причем однородные конститuentы предложения

¹ Здесь и далее переводы произведены авторами статьи.

могут быть представлены и в обоих частях сложного предложения: – *Мен сизге не къарыу бла, не акъыл бла болушалмам, сиз акъыллы, кючлю тѣбелесиз* [14, с. 249] ‘– Я вам ни силой, ни умом не смогу помочь, вы умные, сильные кучки’.

Если учесть системно-семасиологический аспект слов, составляющих ряды однородных компонентов рассматриваемых типов синтаксических конструкций, то в их составе обнаруживаются синонимы и антонимы, которые часто экспрессивно маркированы и выполняют усилительную функцию: *Къууурурма, кюйдюрюрме жашагъан жеригизни...* [14, с. 76] ‘**Опалю, сожгу** земли, на которых вы живете...’; – *Сени къылычын санга жан берликди, мени уа жаным аллыкды!* [14, с. 86] ‘– Твой меч тебе **душу** даст, а мою **душу** заберет!’.

Однородные члены выступают как важнейшее средство подробного описания предметов и их свойств, процессов и явлений и т. д., например: *Гемуданы жер юйден чыгъарды, сылады, темир бурхуладан тойдурду, къылычын биледи, садагъын хазырлады, азыгъын артмакълагъа жыйды* [14, с. 210] ‘**Вывел** Гемуду из землянки, **погладил, насытил** железной крошкой, **наточил** меч, **подготовил** лук, **собрал** припасы в переметные сумы’. Их использование «не только расширяет диапазон действий или сферы реализации называемого действия, но и представляет дополнительное описание называемых действий или явлений, что актуализирует знания о градации» [20, с. 137]. При этом актуализируются следующие типы смысловых отношений:

а) градационные отношения, выражающие усиление какого-либо процесса, понятия и т. д.: *Жер жерледе излейме да, адам халы кѣрмейме* [14, с. 73] ‘Везде **ищу**, подобие людей **не вижу**’;

б) противительные отношения: – *Сиз тергеучюле, эсепчилесиз, биз сизге сорургъа келгенбиз, сормагъан сиз, айтмагъан биз* [14, с. 222] ‘– Вы подсчитывающие, учитывающие, мы пришли спросить у вас, **не спрашивающие** вы, а **не отвечающие** мы’;

в) причинно-следственные отношения: *Ишни болмазлыгъын танып, Жантараз, элтип, ол бозаны гумугъа тѣгюп, жангы боза келтирип, алгъышны башлады* [14, с. 91] ‘Поняв, что дело **не клеится**, Жантараз, **отнеся, вылив** эту бузу в погреб, **принеся** новую бузу, начал свое благопожелание’;

г) временные отношения, указывающие на последовательность или же одновременность совершения определенных процессов, явлений: *Сосурукъ, келе келип, бир къаяланы тубюнде тохтап, сырпынын чыгъарып, ол эмегени ёнгечинден кесине жетген кесегин сырпынны аузуна бир тартып, къаланы сермегенди* [14, с. 126] ‘Сосурук, **придя, остановившись** у каких-то скал, **вытащив** меч, **проведя** по его лезвию кусочком пищевода эмегена, что ему достался, ударил по крепости’;

д) разделительные отношения: *Аны ичине киргенде, не тели этерча, не да жукълатырча, не да ѳлтюрюрча, бирер ууну жаныгъызгъа алыгъыз, жутханлай, ууну не аш орнуна, не да жюрегине къюгъуз* [14, с. 213] ‘При входе в его нутро, **или чтобы одурманить, или чтобы усыпить, или чтобы убить** его, возьмите с собой по яду, как проглотит, высыпьте яд **или в желудке, или в сердце**’.

Как отмечается в специальной лингвистической литературе, однородные конститuentы предложения «являются оптимальным средством художественной речи» [21, с. 396]. Так, например, в эпических текстах они, представленные эпитетами и другими тропами, способствуют яркому описанию образа кого или чего-либо: *Бара кетип, бир тенгизни жагъасында алтын жаллы, алтын къуйрукълу жылкыгъа жолукълудула* [14, с. 202] ‘Исходя много мест, на берегу одного моря встретились с **златогривым, златохвостым** табуном’; *Гемуда юч аякълы, жез къулакълы, / Болат туякълы болгъанды* [14, с. 176] ‘Гемуда **был** **трехногим, медноухим, / Сталекопытным**’.

В эпических текстах однородные члены предложения способствуют созданию образов персонажей, описанию и характеристике какого-либо предмета, явления, понятия, признака, действия и т. д.: *Эмегенле адамлагъа ушайыракъ, эриши, ийисли, акъылсыз, анкъау,*

менгиреу, эссизле болгъандыла, агъачлада, дорбунлада жашагъандыла, ханс, тамыр, не жаныуар тапсала да, ашап жюриюгендиле [14, с. 126] ‘Эмегены, походя на людей, **некрасивыми, вонючими, неумными, безмозглыми, бестолковыми, недогадливными были, в лесах, пещерах жили, траву, коренья, живность** если находили, съедая жили’.

В эпических текстах между однородными членами предложения в целом превалирует бессоюзная связь: *Арпа, тары гыржынланы чийли-бишли ашатханды* [14, с. 251] ‘Хлеба из **ячменя, проса** заставлял кушать полусырыми’. Однако в них налицо и конструкции с сочинительными союзами: *Жер Тейриси аны обасын жай да, кыш да сууукъ не да исси, къарангы этмегенди* [14, с. 118] ‘Тенгри Земли его могилу **и** летом, **и** зимой холодной или горячей, мрачной не делал’; *Темирчи Дебет ол кёк темирни кьалгъанын а нартлагъа сырпынла, садакъла эм баиша сауутла этгенди* [14, с. 74] ‘Кузнец Дебет из остатков этого небесного железа для нартов мечи, луки **и** другое оружие изготовил’.

1. Конструкции с однородными подлежащими

В синтаксических конструкциях рассматриваемого типа однородные подлежащие имеют различные средства репрезентации и выражаются:

а) собственными и нарицательными именами существительными как в основной, так и в посессивной форме, которые связываются между собой посредством соединительных союзов *бла* ‘и’, *да* ‘и’ или только интонемой перечисления: *Ачей бла Хубун жандан жаннга шуёх элле* [14, с. 265] ‘**Ачей и Хубун** душа в душу друзьями были’; *Ай да, кюн да тутулалла аны ючюн, / Титирейле, кьалтырайла аны ючюн* [14, с. 71] ‘**И луна, и солнце** затмеваются из-за этого, / Сотрясаются, дрожат из-за этого’; *Ол сыбызгъыны согъуп тебиресе, агъачда къанатлыла, жаныуарла тынгылагъандыла* [14, с. 205] ‘Когда он начинал играть на свирели, **птицы, звери** слушали’; *Ёрюзмекни белинде сынжыры, юсюнде кюбеси, кьолунда кьол къаплары болгъанды* [14, с. 219] ‘На поясе Ёрюзмек **цепь, сверху кольчуга, на руках рукавицы** были’; *Нарт Шырданни байлыгъыны учу, кыйыры табылмагъанды* [14, с. 241] ‘Богатства нарта Шырдана конца, края не находилось’; *Битеу ол тийрени къанатлылары, жаныуарлары, жыйылып, ол сейирге къарап тура эдиле* [14, с. 74] ‘Все **птицы, животные** этого места, собравшись, смотрели на это чудо’;

б) контекстуально субстантивированными именами действия на -у (-иу): *Сора ашау, ичиу башланганды* [14, с. 233] ‘Затем **кушание, питьё** началось’;

в) оборотами, стержневыми компонентами которых являются имена действия: *Эмегенле аланы, атларындан тюшюрюп, улуу тюзде аш ашатыу, ичги ичириу башланганды* [14, с. 153] ‘Эмегены их, с коней ссадив, в большой равнине **едой угощение, питьём почтение** началось’;

г) оборотами, ядерными составляющими которых являются причастия будущего времени на -рыкъ: – *Сенсе Къызыл Фукну хорларыкъ, / Аны учхан жерин табарыкъ* [14, с. 84] ‘– Ты тот, кто **Красного Фука победит, / Кто место, куда он улетел найдет**’.

Как видно из рассмотренных примеров, исходя из лексического наполнения синтаксических позиций, в таких предложениях однородные подлежащие способствуют выражению совместности определенных действий, в т. ч. предполагаемой реализации подвигов персонажей эпоса, а также перечислению различных жизненных реалий.

2. Конструкции с однородными сказуемыми

В эпических текстах встречается значительное количество конструкций с однородными сказуемыми. Они имеют следующие разновидности:

а) предложения с однородными сказуемыми, выраженными глаголами изъявительного наклонения прошедшего времени: *Чюелди кесине берилген юлюшден ашады, тауусалмады* [14, с. 249] ‘Чюелди из доставшейся ему доли **съел, не закончил**’; *Къарашауай, чыгъып, атланы иерлерин алды, нартланы ашатды, ичирди, жатдырды* [14, с. 197] ‘Карашауай, выйдя, с лошадей седла **снял, нартов накормил, напоил, уложил**’;

б) предложения с однородными сказуемыми, выраженными глаголами изъявительного наклонения настоящего времени: *Тюшом жюрегими булгъайды, акъылымы чайкъайды* [14, с. 217] ‘Сон мой сердце **тревожит**, ум **колеблет**’;

в) предложения с однородными сказуемыми, выраженными глаголами изъявительного наклонения будущего времени: *Мен да жерни жумушатырма, кырдыкны бошларма, сабанланы битдирирме, тереклеримден кёгетле берирме* [14, с. 218] ‘Я тоже землю **размягчу**, траву **распушу**, пашни **обработаю**, с деревьев своих **фрукты дам**’;

г) предложения с однородными сказуемыми, выраженными глаголами повелительного наклонения: *Ёрюзмекни ырысхысы аллыбыздады, туругъуз, сюрюгуз* [14, с. 201] ‘Богатство Ёрюзмека перед нами, **вставляйте, гоните**’;

д) предложения с однородными сказуемыми, выраженными причастиями будущего времени в положительной и отрицательной формах: *Бу бизни къаныбыздан тоймагъан эмегенледен къутхарыр, сакълар* [14, с. 201] ‘Он **спасет, сохранит** от эмегенов, которые кровью нашей не насытятся’; *Бу ат сени кёкге чыгъарыр, жерге тюшюрюр, кёп къыйын затла этер* [14, с. 259] ‘Этот конь тебя в небеса **поднимет**, на землю **опустит**, много трудных вещей **сделает**’; *Жыртылмаз, чачылмаз, таида, къаяда, тауда, бузда учмаз, тенгизге, суугъа киргенде батмаз* [14, с. 177] ‘**Не порвется, не рассыпится**, на камнях, скалах, горах, льду **не поскользнется**, когда в море, воду **зайдет, не утонет**’.

В составе однородных сказуемых рассматриваемого типа обнаруживаются и вспомогательные глаголы прошедшего времени: *Бири буду: мен таугъа чыгыучу эдим, / Уллу къаяланы оюп ийиучу эдим* [14, с. 124] ‘Одно из них это: я **взбирался было** в горы, / Большие скалы **обрушивал было**’; *Ол сауутланып, хазырланып болгъанды* [14, с. 266] ‘Он, **вооружившись, подготовившись был**’.

Однородные сказуемые выражаются также именными частями речи, в основном именами существительными и прилагательными. При этом они часто осложняются и вспомогательными глаголами: *Кюн Тейриси Тейрилени башыды, оноучусуду* [14, с. 68] ‘Тенгри Солнца **глава** всех Тенгри, их **руководитель**’; *Ол тийрелери тауладыла, тар аууладыла, терен къолладыла, къалын агъачладыла* [14, с. 210] ‘Эти места **горы, горные ущелья, глубокие овраги, густые леса**’; *Ол сырт бийик, тик, эки жаны терен къолду* [14, с. 132] ‘Это плато **высокое, крутое, с двух сторон глубокие ущелья**’; *Рачыкъау уллу, мазаллы адам болгъанды* [14, с. 240] ‘Рачикау **был большим, здоровым человеком**’; *Кеси да бек хыйлачы, гынтылы, махтанчакъ киши болгъанды* [14, с. 241] ‘Сам он тоже **был хитрым, самонадеянным, хвастливым человеком**’; *Кими буу, доммай, жугъутур, тууар, къабан, гаммеш, айыу болдула* [14, с. 214] ‘Кто оленем, зубром, туром, крупным рогатым скотом, кабаном, буйволом, медведем **стал**’.

3. Конструкции с однородными дополнениями

В карачаево-балкарском нартском эпосе часто встречаются синтаксические конструкции с ядерными конститuentами, выраженными переходными глаголами со значением действия. В них превалируют прямые однородные дополнения, которые репрезентируются именами существительными в винительном падеже, принимающими аффикс *-ны/-ни*: *Къуйругъу бла туманланы, булутланы чачады* [14, с. 147] ‘Хвостом своим **туманы, облака** разгоняет’; *Къачханда, ийнени, таракъны, кюзгюню, оймакъны алгъанед Батчалыу* [14, с. 161] ‘Когда **убегал, иголку, гребенку, зеркало, наперсток** взял с собой Батчалыу’; *Бурун тешигинден ургъан тылпыу, жел болуп, / Тереклени, орманланы аудурады* [14, с. 227] ‘**Пар, исходящий из его ноздрей, превратившись в ветер, / Деревья, леса** валил’; – *Охо, бийче, ёзенде бир атлы келеди, / Аягъындан чыкългъан топуракъ / Тауну, ташны жабалы* [14, с. 227] ‘– Ого, княгиня, по равнине один всадник **скачет, / Земля, выходящая из-под его копыт, / Горы, камни** покрывает’. Однородные дополнения такого типа могут иметь и нулевой аффикс: *Халкъ сени юсюнгден жырла, жомакъла тагълалла, / Ой, алай тагълалла* [14, с. 145] ‘Народ про тебя **песни, сказки** слагает, / Ой, так слагает’.

Известно, что имя существительное в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, принимает аффиксы посессивности (-ы/-и, -у/-ю), что имеет место и в однородных дополнениях. При этом маркером винительного падежа выступает аффикс -н: *Суу Тейриси ашын, суун ийгенди* [14, с. 69] ‘Тенгри Воды посылал (его) еду, питье’; *А, мыйыгъын, сакъалын а таза жюлюлле да* [14, с. 267] ‘А, его усы, бороду чисто выбрили, оказывается’.

Следует отметить, что функции однородных дополнений в эпическом тексте выполняют и причастные обороты, стержневой элемент которых употребляется в форме винительного падежа: *Тюшонде тюшлери жүрегин булгандыргъанларын, акъылын чайкъагъанларын эсине тюшюрдю* [14, с. 218] ‘Во сне сны, что его сердце тревожили, ум его колебали, вспомнил он’.

В составе некоторых конструкций обнаруживаются однородные косвенные дополнения, выраженные именами существительными и причастиями в сочетании с послелогом *бла*, который придает им значение орудийности: *Садакъла бла, солтанжияла бла эки кюн, эки кече кюрешгендиле, бир бирни ёлтюралмагъандыла* [14, с. 253] ‘С луками, с самострелами два дня, две ночи боролись, не могли убить друг друга’; *Мурулдагъаны, хурулдагъаны бла жукълатмайды* [14, с. 228] ‘Бормотанием, храпением [своим] не дает спать’.

Хоть и редко, встречаются предложения, в состав которых входят однородные дополнения, выраженные инфинитивом или инфинитивным оборотом: *Бора-Батырны тонаргъа, ёлтюрюрге таматабыз бизге буюргъанды* [14, с. 250] ‘Бора-Батыра ограбить, убить повелел нам наш предводитель’.

Во всех рассмотренных выше примерах для однородных членов предложения присуща интонация перечисления, однако имеет место также употребление соединительного союза *да*: *Саутун-сабасын, ат жерни да, кереклерин да барын да алгъанды да* [14, с. 269] ‘Оружие, конское седло, утварь всю он забрал’.

4. Конструкции с однородными обстоятельствами

В карачаево-балкарском нартском эпосе наибольшими функционально-семантическими возможностями отмечены конструкции с однородными обстоятельствами. К ним относятся:

а) предложения с однородными обстоятельствами места, выраженными именами существительными в местном падеже, а также послеложными сочетаниями: *Кирпиклери да болмагъанды, тююгу суу тутмагъанды, тенгизледе, кёлледе кёулакъ орталары бла чабакъча солугъанды* [14, с. 177] ‘И бровей не было, шерсть не мочилась, в морях, озерах междушьями как рыба дышал’; *Ол бёркню башына кийген не къарангы кече да кёкде, жерде, тенгиз тюбюнде, къалын агъачны ичинде, тау къоллада не болгъанын кёреди* [14, с. 210] ‘Кто оденет на голову эту шапку, тот видит, что находится на небе, земле, под морем, в густом лесу, в горных ущельях’;

б) предложения с однородными обстоятельствами цели, выраженными инфинитивными оборотами: – *Мен сизге алай бош, нартланы сынаргъа, эрикгенден, кёз ачаргъа чапханма* [14, с. 184] ‘– Я на вас так просто, испытать нартов, от скуки, поразвлекаться с вами, напал’;

в) предложения с однородными обстоятельствами образа действия, выраженными первичными деепричастиями на -а и -н (-ын): *Жорта, чаба, кюнбатышха кетдиле, / Уллу Адылны толкъунларын кёрдюле* [14, с. 180] ‘Рыся, бегая, на запад ушли, / Великого Итиля волны увидели’; *Жилияп, улуп да, ол жылкычы жаш Тюклесханнга барды* [14, с. 268] ‘Заплакав, да взвыв, этот парень-табунщик к Тюклесхану пошел’; *Сылап, сыйнап, терлегенин кетергенди, / Кеси суйген ашларындан бергенди* [14, с. 178] ‘Погладив, протерев, пот убрал, / Дал съесть, что он хотел’; *Кёзлери, чолпан жулдузлача, жылтырап, жанып, аларын кюнча жарытдыла* [14, с. 218] ‘Глаза его, как яркие звезды, заблестев, загоревшись, их путь как солнце озарили’;

г) предложения с однородными обстоятельствами образа действия, выраженными оборотами, стержневыми компонентами которых являются первичные деепричастия на -н (-ын/-ин, -уп/-юн): *Ол жулдуз, таулары зынгырдатып, дунияны къалтыратып тюшдю* [14, с. 74] ‘Эта звезда, заставив зазвенеть горы, задрожать весь мир, упала’; *Эмегенле, кеслери ичин эсириучю кендирашдан, кундушдан, андыздан этилген ичгилени сыра къазанлагъа куюп,*

уллу иликичле бла кётюрюп келип, алларына салгъандыла [14, с. 153] ‘Эмегены, из конопли, чемерицы, девясила приготовленное питье, которое сами выпив пьянели, налив в пивные казаны, притащив на больших жердях, поставили перед ними’; Чюелди, асыры жюрек-синип ургъандан, къылычы эмегенден да ётюр, доммакъдан, турчдан ишленген кёпюрню да эки юздюрюп суугъа къуйду [14, с. 253] ‘Чюелди с такой злостью ударил, что меч его, пройдя через эмегена, из бронзы, стали построенный мост надвое разрубив, в воду обрушил’; Ары сугъуп, бери айландырып, жарны жёрмелеп, жамау эте эди [14, с. 160] ‘Туда воткнув, сюда перевернув, овраг обметывая, заплату ставил’; Къуш аскерле, къанат къагъып, дунияны жел этдирип, Алауган таба чапдыла [14, с. 148] ‘Орлиные войска, взмахнув крыльями, обветрив весь мир, напали на Алаугана’; Кюнлени биринде (Къарашауай), зыккыл быстырла кийип, кесин факъырача кёрюзтюп, акъ сюекден этилген сыбызгъысын да алып, нарт элдеде айланганды [14, с. 203] ‘Однажды (Карашауай), рваную одежду надев, показав себя как нищего, взяв свирель, изготовленную из белой кости, по нартским селам ходил’.

В некоторых случаях ряды рассматриваемых обстоятельств открывают одиночные деепричастия, а затем следуют деепричастные обороты: Баранукъа улу, атын, эмегенни ёлтюрюп, Къудент да биягъыча башны туурап, Баранукъа улуну артмакъларына салып, эмегенни атын да жылкыгъа кьошуп, сюрюп тебиредиле [14, с. 213] ‘Сын Барануки, выстрелив, эмегена убив, Кудент по-прежнему голову разрубив, уложив в переметные сумы сына Барануки, эмегена коня к табуноу добавив, погнали их’; Ала жукълагъандан сора, жаишчык, туруп, тёшек арасындан ачхычны алып, кюбюрден къылычын алып, Хубунну башын кесип, къанындан шешагъа тамызып, башын артмакъгъа салып, макъамын башха этип, алайны ташлагъанды [14, с. 267] ‘После того, как они заснули, мальчик, встав, с середины матраца ключ взяв, вытащив из сундука свой меч, отрезав голову Хубуну, из его крови накапав в бутылку, положив его голову в суму, изменив свой облик, ушел оттуда’. Имеет место и обратное: Бир бирни кёрюп, тансыкълашып, къучакълашып жилидыла [14, с. 255] ‘Друг друга увидев, приласкав, обнявшись, заплакали’. Кроме того, одиночные деепричастия употребляются и между деепричастными оборотами: Баранукъа улу, алайда секирип атдан тюшюп, алты къабыргъа да барып, къучакълап, жилип, сора атына минип, биягъынлай тебиредиле [14, с. 213] ‘Сын Барануки, спрыгнув там с коня, сходя к шести могилам, обняв, заплакав, затем сев на своего коня, по-прежнему двинулись в путь’; Ол заманда Алауган, ёрге туруп, сермен, бойнундан буууп, къатынын ёлтюреди [14, с. 147] ‘В это время Алауган, встав вверх, схватив, удавив за шею, жену свою убивает’.

Небезынтересен и тот факт, что постпозитивные деепричастия употребительны в текстах эпоса в форме отрицания: Бир кюн Ёрюзмек, айлана-жюрюй кетип, бир жерде от тютюн чыкъгъанын кёрюп, къоркъмай, буюкъмай, тюзюнлей алайгъа келгенди [14, с. 74] ‘Однажды Ёрюзмек, исхोдив много дорог, увидев в одном месте дым от огня, не испугавшись, не съевшись, пошел прямо туда’; Сосурукъну аскерлери да, былагъа айланышып, ашамай, ичмей, юч кече бла юч кюн уруш этгендиле [14, с. 219] ‘Войска Сосурука, напав на них, не кушая, не выпивая, бились три ночи и три дня’.

5. Конструкции с однородными определениями

Однородные определения достаточно часто встречаются в эпических текстах. Они, обычно определяя подлежащие и дополнения, представлены:

а) именами существительными в основном падеже: Ма алтын, кюмюш, темир ташла жерге андан чыкъгъандыла [14, с. 68] ‘Вот золотые, серебряные, железные камни на земле поэтому появились’;

б) именами существительными в родительном падеже: Ол заманланы, чакъланы кечелери бек къарангы болгъандыла [14, с. 298] ‘Этих времен, пор ночи были очень темными’;

в) именами прилагательными: Анда, алайда, дагъыда уллу, бийик Шаушюгют Сырт барды [14, с. 132] ‘Там, в этом месте, есть еще большой, высокий Шаушюгют Сырт’; Суу анадан

тилекле тилеп, бир къаразыгъыр, суусуз къолну бойну бла тебиреди [14, с. 228] ‘Помолившись Матери воды, направился по руслу **чернопесочного, безводного** ущелья’;

г) причастиями: – *Туруучу, барыучу жеринг къалайда эсе да, ары элт* [14, с. 248] – **Обитания, хождения** место твое где, туда и веде’;

д) причастными оборотами: *Жолда арыгъан, ач болгъан нарт атла, / Кишенленип, чыкъ кырдыкда отлайдыла* [14, с. 143] ‘**В пути уставшие, проголодавшиеся** нартские кони, / Стrenножившись, пасутся в росистой траве’; *Къарашауай, эслеп, бу юйде мен кърмеген, билмеген не барды деп къарайды* [14, с. 167] ‘Карашауай, насторожившись, смотрит, что в этом доме есть, **чего я не видел, чего не знаю**’.

Однородные определения, выраженные причастными оборотами, могут расширяться за счет других оборотов, например, деепричастных, что способствует детальной характеристике персонажей эпоса: *Сора, таулань башында бугейледен, чыранладан суу ичип, салкъын этип, тюзледе чибинлени къуйругъу бла къоругъан, асыры уллудан тау тарларына кючден сыйынган бир бугъа болгъанды* [14, с. 222] ‘Еще, **из расщелин в верховьях гор, ледников воды испивши, прохладу приняв, на равнине хвостом от мух избавляющийся, из-за больших размеров в горных ущельях с трудом помещающийся** один бык был’.

Сравним конструкцию: *Алагъа, союп, бир буу, бир доммай, бир жугъутур, бир тууар, бир къабан, бир гаммеш, бир да айыу тулукъла бергенди* [14, с. 213] ‘Им, раздeлав, дал **один олений, один зубровый, один турий, один воловий, один кабаний, один буйволиный, да один медвежий тулук**’. В ней уже свои распространители получают однородные определения, выраженные именами существительными. В данном примере таким распространителем является бифуркативная лексема *бир*, обозначающая как количество, так и неопределенность (*какой-то*).

Заключение

Конструкции с однородными конститuentами предложения отмечены значительным функционально-семантическим потенциалом в составе текстов карачаево-балкарского нартского эпоса. Они способствуют структурированию как осложненных, так и частей сложных синтаксических высказываний. Связи рассматриваемых элементов предложений в большей степени способствует интонация перечисления, в меньшей – сочинительные союзы, как правило, соединительные. В лексико-семантическом отношении выделяются однородные члены предложения, выраженные экспрессивно маркированными синонимами и антонимами, выполняющими усилительную функцию.

Однородные члены, выступая как релевантные средства детального описания предметов и их свойств, процессов и явлений, характерных для эпического текста, в смысловом плане актуализируют репрезентацию градационных, противительных, причинно-следственных, временных, разделительных отношений. Являясь маркерами художественной речи, они способствуют созданию образов персонажей, описанию и характеристике эпических предметов, явлений, понятий, признаков, действий и т. д.

Рассматриваемые элементы синтаксических структур представлены подлежащими, сказуемыми, дополнениями, обстоятельствами и определениями, выражающимися словами, относящимися к различным частям речи и их формам, а также оборотами, структурирующимися благодаря неличным формам глагола. Однородные подлежащие в основном выражаются нарицательными и собственными именами существительными, сказуемые – глаголами изъявительного наклонения прошедшего времени, дополнения – именами в винительном падеже, обстоятельства – деепричастными оборотами, определения – именами прилагательными и контекстуально адъективированными существительными, что детерминируется спецификой жанра эпоса, его интенциями.

Литература

1. Холаев А. З. Карачаево-балкарский нартский эпос. – Нальчик : Эльбрус, 1974. – 144 с.
2. Джуртубаев М. Ч. Карачаево-балкарский героический эпос. – Москва : Поматур, 2003. – 288 с.
3. Малкондуев Х. Х. Карачаево-балкарский нартский эпос. Теория. Историзм. Самобытность. – Нальчик : Принт Центр, 2017. – 148 с.
4. Хаджиева Т. М. Нартские песни и сказания карачаевцев и балкарцев // Традиционная культура. – 2015. – № 1. – С. 96–108.
5. Хаджиева Т. М. Кавказская нартиада: опыт сравнительного исследования // Монголоведение (Монгол судлал). – 2018. – № 15. – С. 124–142. – DOI : 10.22162/2500-1523-2018-15-124-142
6. Гергокова (Этезова) Л. С. Язык карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты». – Нальчик : КБИГИ, 2015. – 140 с.
7. Гулиева (Занукоева) Ф. Х. Отражение этнографической лексики в карачаево-балкарском нартском эпосе: боевая одежда и оружие // Kavkaz-Forum. – 2021. – № 8. – С. 34–43. – DOI : 10.46698/VNC.2021.15.8.011
8. Хаджиева Т. М. Прямая речь в нартском эпосе карачаевцев и балкарцев // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 10-4. – С. 164–168.
9. Хаджиева Т. М. Роль повторов в карачаево-балкарской «Нартиаде» // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. – 2017. – № 4. – С. 79–87.
10. Ахматова М. А., Кетенчиев М. Б. Концепт «путь» как конструкт этнической языковой картины мира (на материале карачаево-балкарского нартского эпоса) // Вестник ВЭГУ. – 2014. – № 5. – С. 79–86.
11. Ахматова М. А. Концептосфера гидролексемы «суу» в карачаево-балкарском нартском эпосе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11-1. – С. 78–81.
12. Ахматова М. А. Вербализация концепта жер «земля» на материале карачаево-балкарского нартского эпоса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 2. – С. 58–65. – DOI : 10.29025/2079-6021-2019-2-58-65
13. Будагова З. И. Об изучении языка азербайджанского фольклора // Советская тюркология. – 1989. – № 6. – С. 40–48.
14. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / составители : Р. А.-К. Ортабаева, Т. М. Хаджиева, А. З. Холаев. – Москва : Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – 656 с. (На карачаево-балкарском и рус. яз.)
15. Велиев К. Н. Соотношение прозы и поэзии в эпическом тексте // Советская тюркология. – 1992. – № 1. – С. 19–25.
16. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. – Москва : Наука, 1986. – 206 с.
17. Ахматов И. Х. Главные члены предложения и средства их выражения в современном карачаево-балкарском языке. – Нальчик : Эльбрус, 1968. – 164 с.
18. Закиев М. З. Татарская грамматика. Т. III. Синтаксис. – Казань : ИЯЛИ, 1995. – 576 с.
19. Грамматика современного якутского литературного языка : [в 2 томах]. Т. 2. Синтаксис / Е. И. Убрятова, Н. Е. Петров, Н. Н. Неустроев и др. – Новосибирск : Наука, 1995. – 336 с.
20. Федорова Н. И. Специфика функционирования однородных членов предложения в русских народных загадках // Филология и культура. – 2013. – № 4. – С. 137–139.
21. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. – Москва : Рольф, 2001. – 448 с.

References

1. Kholaeв A. Z. Karachay-Balkar Nart epic. Nalchik, El'brus Publ., 1974, 144 p. (In Rus.)
2. Dzhurtubaev M. Ch. Karachay-Balkar heroic epic. Moscow, Pomatur Publ., 2003, 288 p. (In Rus.)
3. Malkonduev Kh. Kh. Karachay-Balkar Nart epic. Theory. Historicism. Identity. Nalchik, Print Center Publ., 2017, 148 p. (In Rus.)
4. Khadzhieva T. M. Nart songs and tales of Karachays and Balkars. *Traditional Culture*. 2015, no. 1, pp. 96–108. (In Rus.)
5. Khadzhieva T. M. Caucasian nartiada: the experience of comparative research. *Mongol studies (Mongol sudlal)*. 2018, no. 15, pp. 124–142. DOI: 10.22162/2500-1523-2018-15-124-142 (In Rus.)

6. Gergokova (Etezova) L. S. The language of the Karachay-Balkar heroic epic “Narts”. Nalchik, Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research Publ., 2015, 140 p. (In Rus.)
7. Gulieva (Zanukoeva) F. Kh. Reflection of ethnographic vocabulary in the Karachay-Balkar Nart epic: combat clothing and weapons. *Kavkaz-Forum*. 2021, no. 8, pp. 34–43. DOI: 10.46698/VNC.2021.15.8.011 (In Rus.)
8. Khadzhieva T. M. Direct speech in the Nart epic of Karachays and Balkars. *Buryat State University Bulletin*. 2014, no. 10-4, pp. 164–168. (In Rus.)
9. Khadzhieva T. M. The role of repetitions in the Karachay-Balkar “Nartiade”. *Nart Studies in the XXI century: modern paradigms and interpretations*. 2017, no. 4, pp. 79–87. (In Rus.)
10. Akhmatova M. A., Ketenchiev M. B. The concept of “path” as a construct of an ethnic linguistic picture of the world (based on the material of the Karachay-Balkar Nart epic). *Vestnik VEGU*. 2014, no. 5, pp. 79–86. (In Rus.)
11. Akhmatova M. A. Conceptosphere of the “suu” hydrollexeme in the Karachay-Balkar Nart epic. *Philology. Theory & Practice*. 2016, no. 11-1, pp. 78–81. (In Rus.)
12. Akhmatova M. A. Verbalization of the concept of the “earth” on the material of the Karachay-Balkar Nart epic. *Current issues in philology and pedagogical linguistics*. 2019, no. 2, pp. 58–65. DOI: 10.29025/2079-6021-2019-2-58-65 (In Rus.)
13. Budagova Z. I. About the study of the language of Azerbaijani folklore. *Soviet turkology*. 1989, no. 6, pp. 40–48. (In Rus.)
14. Narts. The heroic epic of the Balkars and Karachays. Compiled by R. A.-K. Ortabayeva, T. M. Khadzhieva, A. Z. Kholaev. Moscow, Nauka Publ., Publ. company “Oriental literature”, 1994, 656 p. (In Karachay-Balkar and Rus.)
15. Veliev K. N. Correlation of prose and poetry in the epic text. *Soviet turkology*. 1992, no. 1, pp. 19–25. (In Rus.)
16. Kovtunova I. I. Poetic syntax. Moscow, Nauka Publ., 1986, 206 p. (In Rus.)
17. Akhmatov I. Kh. The main members of the sentence and the means of their expression in the modern Karachay-Balkar language. Nalchik, El’brus Publ., 1968, 164 p. (In Rus.)
18. Zakiev M. Z. Tatar grammar. Vol. III. Syntax. Kazan, Institute of Language, Literature and Art Publ., 1995, 576 p. (In Rus.)
19. Grammar of the modern Yakut literary language: in 2 volumes. Vol. 2. Syntax. E. I. Ubryatova, N. E. Petrov, N. N. Neustroev et al. Novosibirsk, Nauka Publ., 1995, 336 p. (In Rus.)
20. Fedorova N. I. The specifics of the functioning of homogeneous sentence terms in Russian folk riddles. *Philology and Culture*. 2013, no. 4, pp. 137–139. (In Rus.)
21. Golub I. B. Stylistics of the Russian language. Moscow, Rolf Publ., 2001, 448 p. (In Rus.)